

Сделав несколько укусов, Сяопин замялся на миг, но палочки так и не отложил, потянувшись за следующим кусочком говядины.

Мясо, томлённое в густом рисовом отваре, так и таяло во рту. В его насыщенном, чистом вкусе угадывались нежные нотки разваренной крупы и тонкий аромат специй. Ань Сяопин ел сосредоточенно, и когда ему попадалось что-то по-настоящему вкусное, на его лице сама собой расцветала блаженная улыбка. От одного взгляда на него разыгрывался зверский аппетит.

Цзян Тинчжоу любил готовить для таких ребят — искренних, увлечённых. Глядя на Сяопина, он и сам ощущал прилив голода.

— Эх, и почему я так легко набираю вес? — вздохнул Ань Сяопин.

Сила воли у него всё же имелась: наевшись примерно на две трети, он с явным сожалением отложил палочки, успев до этого перекусить лишь парой ломтиков мяса и зеленью.

— Братец, как тебе удаётся столько есть и не толстеть? Завидую белой завистью.

Тинчжоу действительно никогда не ограничивал себя в еде. Он отличался отменным аппетитом, однако оставался гораздо стройнее большинства сверстников. Сяопин втайне надеялся когда-нибудь его откормить, но задача эта казалась почти невыполнимой.

Стоило Тинчжоу взяться за дело, как его было уже не остановить. Назвать его образ жизни «отдыхом после увольнения» не повернулся бы язык: парень двигался так много, словно заменял собой небольшую бригаду рабочих. Закончив с обедом, он сразу же принялся перекапывать заросший участок в саду. С непривычки управляться с мотыгой и лопатой было тяжело, но работал он на удивление кропотливо — тщательно выбирал из земли острые булыжники и цепкие корни сорняков, отчего процесс затянулся. Подобное рвение утомляло сильнее, чем изнурительная тренировка в спортзале.

Сяопин, бегавший вокруг с фотоаппаратом в поисках удачного кадра, выдохся уже через пару часов, в то время как на лбу Тинчжоу едва проступили редкие капли пота. Тот привык к тяжёлому труду с самого детства. Его порог утомляемости был невероятно высок. Ему даже приходилось заводить будильник, чтобы заставлять себя делать перерывы, ведь врачи настоятельно рекомендовали чередовать работу и отдых, иначе он вкалывал бы до полного истощения. Глядя на этот трудовой подвиг, Сяопин почувствовал себя уязвлённым. Он то и дело призывал друга прекратить эту каторгу, но втайне понимал, что и сам не имеет права сидеть сложа руки.

Пусть штатного фотографа рядом не было, Сяопин прекрасно справлялся сам — благо начинал карьеру в одиночку и умел профессионально выстраивать свет и ловить ракурсы. Тинчжоу время от времени подходил помочь, а взглянув на готовые снимки, искренне восхитился:

— Выглядит потрясающе. Твоим подписчикам точно понравится.

В сети Ань Сяопин поддерживал образ утончённого, слегка холодного юноши. Недавнее окрашивание в сочный медно-рыжий оттенок лишь добавило ему шарма. Сегодня они обыгрывали тему ретро-ностальгии: старый дворик, облупившиеся стены и узкие переулки подходили для этого как нельзя лучше. Лёгкий макияж, изящная шелковая рубашка и безупречно бледная кожа превращали его в экранного принца. Никто из многотысячной аудитории и не догадывался, что за этой маской скрывается очаровательный простофиля. Впрочем, сам блогер, придирчиво рассматривая кадры, остался недоволен.

— Братец, ты не понимаешь, сейчас публика стала жутко привередливой, — вздохнул Сяопин, усаживаясь за ретушь снимков. — Одной симпатичной мордашкой никого не удивишь, красивых полно. У меня в последнее время вообще застой с просмотрами. Последний раз актив пошёл, когда я случайно зацепил тему с твоим скандалом и попал в тренды. С тех пор глухо, как в танке.

«Наверное, я просто ленился», — подумал он. Раньше Сяопин частенько давал себе поблажки, но пример Тинчжоу заставил его встряхнуться. Последние дни он без устали искал способы улучшить контент: осваивал новые техники ретуши, экспериментировал с макияжем, мечтая привлечь новых подписчиков и, как следствие, выгодные рекламные контракты.

Тинчжоу был бесконечно далёк от законов блогосферы и не представлял, чем увлечь капризного зрителя. По его мнению, снимки и так были безупречны. Немного подумав, он предложил:

— А почему ты ограничиваешься только Вейбо? Может, стоит зарегистрироваться на других площадках? Попробуй снимать короткие видео, сейчас этот формат везде в тренде.

Идея показалась Сяопину дельной. Действительно, почему бы не дублировать контент на разные ресурсы? Времени это займёт немного, а охваты могут вырасти. Он увлечённо снимал до самых сумерек, а поздно вечером принялся импортировать отснятый материал на ноутбук. Среди множества дублей то и дело мелькало лицо Тинчжоу.

На ужин Тинчжоу приготовил лёгкий салат с креветками и свежей зеленью, заправив его домашним соусом винегрет. Любое блюдо в его исполнении становилось кулинарным шедевром, даже если предназначалось для строгой диеты. Поглощая эту вкуснятину, Сяопин накладывал фильтры на видео и время от времени демонстрировал промежуточный результат другу.

На экране Тинчжоу в простой майке и соломенной шляпе выглядел ещё более худощавым, чем во время съёмок на Центральном телевидении Китая. Камера работала без бьюти-фильтров, и когда парень внезапно повернулся, чтобы помочь настроить фокус, объектив запечатлел его лицо крупным планом. Сяопин невольно задержал дыхание. Взгляд Тинчжоу — глубокий, пронзительный и невероятно сосредоточенный — казался живым. Он смотрел прямо в душу, хотя перед ним находился лишь бездушный стеклянный глазок камеры.

Блогер протянул ему телефон, но Тинчжоу лишь мельком взглянул на экран и отвёл глаза:

— Вырежи меня отсюда, пожалуйста.

— Хорошо, займусь монтажом чуть позже, — вздохнул Сяопин, но всё же полюбопытствовал: — Братец, а почему ты не хочешь светиться? У тебя же раньше был свой аккаунт.

Аккаунт у Тинчжоу действительно имелся. После недавнего скандала количество подписчиков там даже немного выросло, люди требовали обновлений, однако лицо владельца в кадре ни разу не появлялось — исключительно процесс готовки. Конечно, по популярности эта страница и близко не стояла с профилем его сводного брата Цзян Ю — признанной звезды кулинарного блогинга с многомиллионной аудиторией. Их разделяла настоящая пропасть.

— Мне-то всё равно, — негромко отозвался Тинчжоу. — Просто если твои подписчики увидят меня, это может им не понравиться.

Он искренне переживал, что его сомнительная репутация бросит тень на карьеру друга.

— С ума сошел? — возмутился Сяопин. — Да ты же невероятно красивый!

И дело было вовсе не в дружеской предвзятости. Объективно говоря, Тинчжоу подходил на роль интернет-сенсации куда больше, чем Цзян Ю: талантливый, харизматичный, с безупречной внешностью. Цзян Ю выезжал лишь на образе милого, послушного мальчика, но если оценивать черты лица непредвзято, он заметно уступал старшему брату. Однако Тинчжоу лишь снисходительно улыбнулся в ответ на этот комплимент, явно пропустив слова мимо ушей.

— Я же серьёзно! — настаивал Сяопин.

Будь пользователи сети в курсе, как на самом деле выглядит этот «злодей», у них просто язык бы не повернулся поливать его грязью во время недавней травли.

К несчастью, на съёмках программы Центрального телевидения Китая Тинчжоу почти всё время ходил в маске. Когда взбешённые фанаты медийных личностей начали его травить, они намеренно наделали неудачных скриншотов, выкрутив резкость до предела, чтобы сделать снимки максимально уродливыми. Обычные пользователи не спешили пересматривать оригинал программы, слепо доверяя фейкам. Хотя даже на тех карикатурных кадрах Тинчжоу, положив руку на сердце, выглядел весьма недурно. Но всеобщим любимцем — как на просторах интернета, так и в реальной жизни — неизменно оставался Цзян Ю.

Сяопин прекрасно понимал причину такой неуверенности друга. Когда Тинчжоу только вернулся в семью Цзян, его лицо обезображивал страшный шрам. Нападение уличной банды едва не лишило его зрения и привело к тяжелейшим порезам, граничащим с полным уродством. Позже, уже под опекой биологических родителей, он прошёл через череду операций, но реабилитация затянулась. Тинчжоу подозревал, что Цзян Ю тайно менял его мази: раны постоянно воспалялись, загнивали и никак не хотели затягиваться.

Лишь после возвращения Лу Байюя из-за границы дело сдвинулось с мёртвой точки. Тот лично отвёз Тинчжоу к лучшим специалистам по пластической реконструкции. Вскоре после отчисления из старшей школы Тинчжоу практически разорвал контакты с семьёй, и, когда он лишился «заботы» младшего брата, его кожа наконец полностью восстановилась. Тем не менее этот уродливый рубец сопровождал его все школьные годы. Какими бы правильными ни были черты лица, столь глубокое повреждение внушало ужас. Сверстники в элитной частной школе не отличались состраданием: они регулярно издевались над ним, заявляя в лицо, что он похож на восставшего мертвеца.

В подобной атмосфере легко потерять веру в себя. Со временем Тинчжоу и сам уверился в собственной непривлекательности. Да и в его жизни внешность никогда не играла ключевой роли — ни в общении с блистательным Лу Байюем, ни у плиты, ни позже, у руля Пищевой компании Цзян. Бизнес и кухня требовали характера и профессионализма, а не смазливости личика.

Чаще всего за спиной Тинчжоу называли «слишком суровым». В бытность генеральным директором он наводил ужас на подчинённых: сотрудники шёпотом жаловались на его тотальный контроль, крутой нрав и абсолютную нетерпимость к чужим промахам. Перед его кабинетом у многих буквально подкашивались колени.

Поняв, что спорить бесполезно, Сяопин разочарованно вздохнул. Тихо ворча себе под нос, он принялся за черновой монтаж дневных съёмок. На кадрах его собственная забавная физиономия с накрашенной наполовину щекой и куском говядины во рту сменялась редкими планами Тинчжоу. Эти переходы выглядели настолько гармонично и кинематографично, что у Сяопина просто рука не поднялась удалить их. Он решил сохранить эту версию для личного архива. Время близилось к полуночи, силы иссекли, и, отложив работу на завтра, блогер мгновенно провалился в сон.

На следующее утро они отправились на Улицу Утреннего рынка, чтобы позавтракать. Профессиональный долг обязывал Сяопина держать селфи-палку наготове: он вознамерился доснять атмосферные кадры для своего ретро-влога. Вместо привычных уличных лотков они выбрали единственное приличное заведение в округе — ресторанчик кантонской кухни. По совету друга Тинчжоу заказал классику: огурцы в соусе из чёрных бобов, паровые свиные рёбрышки, нежные хагао со свежими креветками и рисовые рулетики чонгфан.

— Место, конечно, не самое аутентичное, но эти блюда им удаются, — со знанием дела прокомментировал Сяопин, прекрасно изучивший местную гастрономию. — Попробуй что-нибудь из этого.

Сам он к еде не прикоснулся. Удивительно, но если готовил не Тинчжоу, парень демонстрировал просто железную выдержку и полное равнодушие к деликатесам.

Официант принёс чайник со свежей заваркой и бесплатный комплимент от заведения —

тарелочку с местными сладостями: свиной помадкой и засахаренной восковой тыквой. Меню действительно грешило эклектикой — подавать подобные лакомства к традиционному утреннему чаю не решился бы ни один уважающий себя ресторан в Гуанчжоу. Эти сладости поставлял соседний Старый сахарный завод. Сяопин, сто лет не пробуящий эти старинные конфеты, под прицелом объектива отправил по кусочку каждого угощения в рот.

— Надо же, вкус совсем как в детстве, — жуя, поделился он впечатлениями. — Правда, приторно до невозможности.

Они облюбовали столик на втором этаже не только ради еды — отсюда открывался панорамный вид, идеальный для красивых кадров.

Прямо под окнами раскинулся тенистый Сад сахарного завода. Несмотря на то что сами цеха давно пустовали, вековые раскидистые баньяны и огненные делониксы чувствовали себя прекрасно, радуя глаз сочной зеленью. Вид сквозь потемневшие деревянные рамы старых окон идеально ложился на концепцию ностальгической фотосессии.

Настраивая фокус, Сяопин украдкой перевёл камеру на Тинчжоу, увлечённого завтраком. Даже в простом свободном костюме для гимнастики бадуаньцзинь тот выглядел потрясающе эстетично. Опубликуй он этот портрет — и армия фанатов была бы обеспечена. Шрамы давно затянулись без следа, школьные кошмары остались в прошлом, а те малолетние убудки наверняка получили по заслугам...

Словно в ответ на его мысли, с лестницы донёсся резкий, бесцеремонный гомон, разом разрушивший утреннее спокойствие. Сяопин инстинктивно повернул голову. Самих визитёров ещё не было видно, но их голоса разносились по залу с предельной отчётливостью.

— Ну и глухомань! Ни одного нормального ресторана. Это корыто тут самое приличное, а зайдёшь внутрь — убожество и разруха. И ради чего здесь затевать стройку?

— Слушай, Лу-шао, неужели брат Байюй действительно хочет развернуть здесь проект? Столько лакомых участков ждут недождутся, когда группа Лу обратит на них внимание, а он вцепился в эту дыру. Как по мне, у молодого господина Лу порой весьма... специфический вкус.

На площадку второго этажа поднялась компания из трёх человек. Громче всех вещал парень в кожаной куртке с короткой стрижкой-ёжиком. Его тяжёлые ботинки шумно грохотали по ступеням. Из-за раннего часа и удалённости ресторанчика зал пустовал, так что не заметить Тинчжоу и Сяопина было невозможно. Заводила осёкся на полуслове, уставившись на Тинчжоу круглыми от удивления глазами, и лишь спустя пару секунд выдал окончание фразы:

—...странный.

Сяопин опешил. Надо же было случиться такому совпадению! Двое из вошедших оказались теми самыми школьными учителями Тинчжоу. Возглавлял процессию не кто иной, как Лу

Цзяхэ — тот самый «Лу-шао», к которому обращался парень в косухе.

Заметив Тинчжоу, Лу Цзяхэ брезгливо поморщился:

— Цзян Тинчжоу? Ты-то какого чёрта тут забыл?

Позади него держалась молодая пара. Спутница Цзяхэ, ухоженная девушка с каштановыми волосами и мягкими, интеллигентными чертами лица, шла рука об руку со своим спутником. Оба молчали, держась в стороне от шумных приятелей. Вся четвёрка выглядела слишком утончённо и дорого для захудалого провинциального заведения — золотая молодёжь, привыкшая к роскоши.

— Не твоё дело, — ровно ответил Тинчжоу.

Он невозмутимо отложил палочки и поднял глаза на незваного гостя:

— Мы, кажется, не в тех отношениях, чтобы обмениваться любезностями.

— Да сдался ты мне! — мгновенно завёлся Лу Цзяхэ, делая несколько шагов вперёд. — Но раз уж встретились, будь добр, объяснись. Сам напортачил, бросил дела и сбежал как трус. Сяо Ю из чистого сострадания поехал тебя искать, а ты на него набросился! Мало того что он пострадал, так на него ещё и моя мать напустилась из-за твоего упрямства. У тебя совесть вообще есть?

Цзян Тинчжоу мысленно усмехнулся. Цзяхэ каждый раз бросался на него как петух, выискивая любой повод для скандала. Речь, очевидно, шла о том недавнем визите разъярённого семейства Цзян. Тинчжоу прекрасно помнил ту потасовку: да, было шумно, но Цзян Ю пальцем никто не тронул. Впрочем, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: младший братец банально инсценировал травму, дабы выставить себя жертвой и избежать нагоняя от родителей. Если не поймать его за руку — хотя даже если бы свидетелем был сам Лу Байюй — Цзян Ю всегда виртуозно вешал лапшу на уши окружающим. Особенно такому недалекому и ведомому дураку, как Лу Цзяхэ.

— Какой же твой Сяо Ю неблагодарный. Ему радоваться надо, — Тинчжоу не торопясь отпил глоток чая и поднял ледяной взгляд на собеседника. — Когда он со своей сворой пытался взломать мою дверь, я всерьёз планировал разmozжить ему череп мотыгой. Жаль, не вышло.

— Так что пусть не жалуется, а скажет спасибо богам, что унёс ноги живым.

— Ах ты... — задохнулся от возмущения Лу Цзяхэ.

Он никак не ожидал от вечно молчаливого Тинчжоу подобной дерзости. Парень буквально лишился дара речи, не зная, что возразить на такое хладнокровное заявление.

Воздух в помещении мгновенно сгустился, запахло грозой. Парень с короткой стрижкой, услышав про ранение Цзян Ю, тут же решил впрячься за друга и заработать очки в глазах Цзяхэ:

— Твою мать, так это из-за тебя Сяо Ю пострадал?! Ну ты и тварь, Цзян Тинчжоу! На святое покусился, гнида? Решил ему лицо испоганить, как у самого было? Ну всё, сука, сейчас ты у меня огребёшь по полной.

Сюй Фэн всегда отличался буйным нравом. Ещё со школы этот верзила привык решать вопросы кулаками. Закатав рукава косухи, он рванулся вперёд так стремительно, что никто в зале не успел среагировать. Ань Сяопин в панике попытался загородить собой Тинчжоу, но куда ему, щуплому блогеру, тягаться с разъярённым амбалом? Сюй Фэн смахнул бы его одним небрежным движением.

Однако дотянуться до Сяопина Сюй Фэн не успел. В следующее мгновение он взвыл от резкой боли в ноге — чей-то мощный подсекающий удар мгновенно выбил опору у него из-под ног. Верзила покачнулся, сиюсь удержатъ равновесие, но не успел он даже выругаться, как крепкие пальцы мёртвой хваткой вцепились в его воротник. Рывок — и тело Сюй Фэна с глухим стуком впечаталось в стену. От удара затылком из глаз посыпались искры, а горло сдавила стальная хватка, перекрывая доступ к воздуху.

Кое-как сфокусировав затуманенный взор, хулиган похолодел от ужаса. Прямо перед его зрачком — буквально в сантиметре, а может, и ближе — хищно поблёскивало лезвие ножа. Рукоять крепко сжимал Цзян Тинчжоу. Его взгляд был абсолютно спокоен, но от этой безмятежности веяло могильным холодом. Так мясник смотрит на кусок туши, распластанный на разделочной доске.

Это был обычный фруктовый нож, оставленный официантом на столе вместе с нарезкой. Тинчжоу перехватил его мимолётным, почти неуловимым движением. Рука, державшая сталь у самого лица Сюй Фэна, не дрожала ни на миллиметр. Скорость и точность его реакции парализовали волю нападавшего.

— Ну что? — Тинчжоу негромко усмехнулся, и от этой тихой улыбки у Сюй Фэна мороз пробежал по коже. — Решил, как и раньше, просто так толкать моего друга?

За спиной испуганно забормотал Сяопин, пытаясь заверить, что с ним всё в порядке и драки не нужно. Но Тинчжоу даже не повёл ухом. Напротив, остриё ножа придвинулось ещё ближе к дрожащему веку Сюй Фэна. У них с этим ублюдком были свои, давние и очень кровавые счёты.